

О НОВОЙ ПАРАДИГМЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА» В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

**Денис Сергеевич Ушаков¹,
Татьяна Валентиновна Подольская²**

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Российская Федерация, Ростовская область, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69, e-mail: fintaliano@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6413-6116

²Южно-Российский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, Ростовская область, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, e-mail: podolskaya-tv@ranepa.ru, ORCID 0000-0003-0337-051X

Аннотация. Введение. Статья посвящена теоретическому переосмыслению феномена «экономического чуда», выходящему за рамки классических определений, сфокусированных на исключительных темпах количественного роста. Цель исследования – выявить закономерности эволюции данного явления в контексте смены технологических укладов и фаз развития глобального капитализма. Актуальность работы обусловлена необходимостью преодоления узко количественного подхода и разработки системного, многоуровневого анализа ускоренного развития в эпоху, характеризующуюся турбулентностью глобальных цепочек стоимости, регионализацией, технологическими разрывами и обострением геополитической конкуренции.

Методы. Методологическую основу исследования составляет синтез институционально-эволюционного, историко-экономического и системно-структурного подходов, дополненных гипотетико-прогностическими методами. Ключевым аналитическим инструментом выступает разработанная авторами оригинальная четырёхволновая типологизация, позволяющая структурировать эмпирический материал и верифицировать гипотезу посредством сравнительного анализа ключевых параметров каждой волны: драйверов роста, роли государства, конкурентных преимуществ и глобального контекста.

Результаты. В ходе исследования выдвинута и обоснована ключевая гипотеза о действии закона убывающей «высоты» и возрастающей «ширины/глубины» воздействия последовательных волн ускоренного развития. Если «чудеса» первой волны (послевоенные Германия, Япония) демонстрировали 8-10 % роста ВВП при локальных последствиях, а «азиатские тигры» второй волны, сохранив схожие темпы, доказали возможность не-западной модернизации, то беспрецедентный подъём Китая (третья волна) вызвал цивилизационный сдвиг. Современные кейсы четвёртой волны (Вьетнам, Бангладеш, Польша, Руанда) показывают умеренный рост (5-8 %), но порождают критические системные эффекты: фрагментацию глобальных цепочек, нормализацию цифрового авторитаризма и ускорение регионализации. Анализ подтверждает, что каждая последующая волна генерирует всё более глубокие социально-политические и геополитические последствия, трансформирующие архитектуру мировой системы, даже при снижении абсолютных темпов роста ВВП.

Выводы. Подтверждённая гипотеза раскрывает фундаментальный сдвиг от парадигмы догоняющей модернизации к парадигме опережающей адаптации, где успех определяется способностью государства-платформы контролировать ключевые узлы в реконфигурирующихся глобальных сетях и мета-ресурсы, определяющие условия существования в эпоху экологических вызовов. Прогнозируется становление пятой волны, связанной с монополизацией климатического, биотехнологического или алгоритмического суверенитета. «Экономические чудеса» эволюционировали из явлений количественного роста в инструменты обретения суверенитета и установления правил игры во фрагментированном многополярном мире, где конкурентное преимущество создаётся гиперспециализацией в рамках новых технологических укладов, а не повторением пройденных путей индустриализации.

Ключевые слова: экономическое чудо, системная адаптация, волны развития, глобальная фрагментация.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Ушаков Д.С., Подольская Т.В. О новой парадигме «экономического чуда» в условиях фрагментации глобального хозяйства // Государственное управление и право. 2026. № 1(09). С. 255-265. EDN: YLUSYZ

ON THE NEW PARADIGM OF "ECONOMIC MIRACLE" IN THE CONTEXT OF GLOBAL ECONOMIC FRAGMENTATION

Denis S. Ushakov¹,
Tatiana V. Podolskaya²

¹Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics (RINH)», Russian Federation, Rostov Region, 344002, 69, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, e-mail: fintaliano@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6413-6116

²South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Russian Federation, Rostov Region, 344002, 70/54, Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, e-mail: podolskaya-tv@ranepa.ru, ORCID 0000-0003-0337-051X

Annotation. Introduction. This article theoretically reconceptualizes the "economic miracle" phenomenon, moving beyond classical definitions focused exclusively on exceptional quantitative growth rates. The study aims to identify patterns in the evolution of this phenomenon within shifting technological paradigms and phases of global capitalism. The research addresses the need to overcome narrowly quantitative approaches and develop systemic, multi-level analysis of accelerated development in an era of global value chain turbulence, regionalization, technological ruptures, and heightened geopolitical competition.

Methods. The methodological framework synthesizes institutional-evolutionary, historical-economic, and systemic-structural approaches, complemented by hypothetico-prognostic methods. The core analytical tool is an original four-wave typology developed by the authors, enabling structured empirical analysis and hypothesis verification through comparative examination of key parameters across waves: growth drivers, the state's role, competitive advantages, and global context.

Results. The research proposes and substantiates a key hypothesis regarding the law of diminishing "peak" and expanding "breadth/depth" of impact across successive waves. First-wave miracles (postwar Germany, Japan) achieved 8-10 % GDP growth with localized effects. Second-wave Asian tigers maintained similar rates while demonstrating non-Western modernization possibilities. Third-wave China's unprecedented rise triggered a civilizational shift. Contemporary fourth-wave cases (Vietnam, Bangladesh, Poland, Rwanda) show moderate growth (5-8 %) but generate critical systemic effects: global value chain fragmentation, normalization of digital authoritarianism, and accelerated regionalization. The analysis confirms that each subsequent wave produces increasingly profound socio-political and geopolitical consequences transforming the world system's architecture, even as absolute GDP growth rates decline.

Discussion. The confirmed hypothesis reveals a fundamental shift from catch-up modernization to anticipatory adaptation, where success depends on a platform-state's capacity to control key nodes in reconfiguring global networks and meta-resources defining existence amid environmental challenges. A fifth wave is forecast, associated with monopolizing climatic, biotechnological, or algorithmic sovereignty. "Economic miracles" have evolved from quantitative growth phenomena into instruments for acquiring sovereignty and establishing rules in a fragmented multipolar world, where competitive advantage derives from hyper-specialization within new technological paradigms rather than replicating past industrialization paths.

Keywords: economic miracle, systemic adaptation, waves of development, global fragmentation.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Ushakov, D.S., Podolskaya, T.V. (2026). On the new paradigm of "economic miracle" in the context of global economic fragmentation. Public administration and law. 1(09). 255-265. EDN: YLUSYZ

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью преодоления узко-количественной парадигмы и перехода к системному, многоуровневому анализу такого явления, как «экономическое чудо». Со-

временная эпоха, характеризующаяся турбулентностью глобальных цепочек создания стоимости, регионализацией экономических потоков, технологическими разрывами и обострением геополитической конкуренции, демонстрирует, что традиционные модели

ускоренного роста, характерные для XX века, более не воспроизводятся в прежних формах.

Возникают новые модели развития (Вьетнам, Бангладеш, Руанда), где относительно умеренные темпы количественного роста сопровождаются глубокими качественными сдвигами в социальной структуре, политическом управлении и позиционировании в мировой системе. Это указывает на фундаментальную трансформацию самого содержания «чуда»: от задачи простого «догоняющего» наращивания объёмов к стратегиям гиперспециализации, управления мета-ресурсами и переформатирования правил глобальной игры. Таким образом, актуальность проблемы смещается с вопроса «как быстро расти?» к вопросам «ради какой качественной трансформации?» и «какое системное воздействие этот рост оказывает на национальные и глобальные социально-экономические процессы?».

Цель исследования

Выявить закономерности эволюции феномена «экономического чуда» от послевоенного периода до современности, проанализировать трансформации его качественных параметров и драйверов, а также построить типологию волн ускоренного развития, отражающую их связь со сменами технологических укладов и фаз глобального капитализма.

В качестве научной гипотезы выдвигается положение о том, что последовательные исторические волны «экономических чудес» подчиняются закону возрастающей «ширины/глубины» воздействия. Это означает, что долгосрочные социальные, политические и геополитические последствия усиливаются, приобретая всё более системный и переформатирующий характер для глобального порядка.

Методы исследования

Методологическую основу работы составляет синтез нескольких взаимодополняющих подходов: институционально-эволюционного, историко-экономического, системно-структурного, гипотетико-прогностического. Ключевым инструментом является разработанная авторами четырёхволновая типологизация, позволяющая структурировать эмпирический материал и проверить гипотезу через сравнительный анализ ключевых параметров ка-

ждой волны: драйверов роста, роли государства, конкурентных преимуществ и глобального контекста.

Результаты исследования и их обсуждение

Теоретические подходы к определению категории «экономическое чудо»

Феномен категории «экономическое чудо», занимая центральное место в дискуссиях о догоняющем развитии и теориях модернизации, в классической экономической и исторической литературе традиционно понимается как период исключительно быстрого и устойчивого экономического роста, который за исторически сжатые сроки кардинально преобразует структуру национальной экономики, выводя страну из состояния отсталости или послевоенной разрухи на качественно новый уровень развития [1]. При этом в общем понимании «экономическое чудо» – это такая трансформация экономической системы государства, результатом которой становится кратное увеличение экономических показателей за относительно короткий временной промежуток» [2].

Данное определение, однако, будучи сфокусированным на количественных параметрах и внешних проявлениях, требует дополнения институциональным и системным анализом, в рамках которого «экономическое чудо», или значительный рост и развитие страны, происходит, «когда её реальная стратегия развития и практическая экономическая политика совпадают с содержанием генотипической модели экономической системы, где под экономическим генотипом понимается система экономических генов, «идеальная» (образец, норма) институциональная всеобщность, общая модель мировой экономической эволюции, включающая в себя прошлый опыт и социальную память системы» [3].

Такое концептуальное расширение позволяет трактовать феномен не как случайное стечение обстоятельств или исключительно результат политической воли, а как успешную актуализацию глубинных, исторически сформированных институциональных возможностей в ответ на вызовы конкретного исторического момента, что перекликается с идеями Д. Норта о зависимости от предшествующего раз-

вития и значении адаптивной эффективности институтов [4]. А. Гершенкрон, анализируя процессы индустриализации в «догоняющих» странах, подчёркивал роль «замещающих факторов» – таких как активное вмешательство государства, создание специальных финансовых институтов и импорт передовых технологий, – которые, компенсируя отсутствие предпосылок, характерных для первопроходцев развития, как раз и могли породить скачкообразные периоды ускоренного роста, воспринимаемые как «чудеса» [5].

Таким образом, синтез количественного, институционально-генотипического и историко-экономического подходов позволяет определить «экономическое чудо» как уникальную, но закономерную фазу системной трансформации, при которой максимальная реализация внутреннего институционального потенциала страны, выраженного в её экономическом генотипе, совпадает с благоприятной или используемой внешней конъюнктурой, приводя к синергетическому эффекту в виде качественного изменения места и роли национальной экономики в глобальном разделении труда при впечатляющих темпах количественного роста.

Продолжая развитие теоретической конструкции, необходимо обратиться к исторической ретроспективе, которая демонстрирует эволюцию форм и содержания «экономического чуда» в зависимости от доминирующего технологического уклада и геополитической конфигурации. Каноническими примерами «экономического чуда» выступают послевоенное восстановление Западной Германии и Японии. Немецкое «Wirtschaftswunder» характеризовалось среднегодовыми темпами роста ВВП около 8 % в период 1950-1960-х годов [6], обеспеченные сочетанием плана Маршалла, курса на социальную рыночную экономику Л. Эрхарда и наличием сохранённого инженерно-технического потенциала. Японский рывок, начавшийся в 1950-е годы, оказался ещё более впечатляющим: среднегодовой рост ВВП в период 1955-1973 годов превышал 9 % [7], а страна доказала возможность неевропейской модернизации. Отраслевые сдвиги в этот период выразились в быстром и значительном повышении удельного веса промышленности с 15-42 % до 46-52 % в ВВП. Одновременно

неуклонно снижалась доля сельского хозяйства с 10-39 % до 5-7 %. Глубокие изменения произошли и в самой промышленности, где быстрее всего увеличивался удельный вес обрабатывающей отрасли [8].

Следующая волна была связана с новыми индустриальными странами Азии, так называемыми «азиатскими тиграми» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг). Их успех, достигнутый в 1970-1980-е годы, часто объясняется в рамках модели «развивающегося государства», где жёсткий авторитаризм [9] (за исключением Гонконга) сочетался с целевым стратегическим планированием, поддержкой национальных конгломератов и экспортной ориентацией [10] (например, ВВП Южной Кореи на душу населения вырос с примерно 100 долларов в 1960 году до более 10 000 долларов к середине 1990-х) [11]. Анализируя феномен «экономического чуда» в исторической ретроспективе, В.Л. Устюжанин отмечает, что «в разное время в разных странах эффективными оказывались противоположные решения [12]».

Наконец, рубеж XX-XXI вв. ознаменовался самым масштабным «чудом» современности – взлётом Китая. С 1979 по 2010 год среднегодовой рост ВВП Китая составлял 9,91 %, достигнув исторического максимума в 15,2 % в 1984 году [13]. Этот беспрецедентный по масштабам и темпам рывок, позволивший больше 850 миллионов человек избавиться от нищеты [14], был обеспечен уникальной комбинацией политической стабильности под руководством КПК, поэтапного открытия для прямых иностранных инвестиций и интеграции в качестве «мировой фабрики» в глобальные цепочки создания стоимости, что не только трансформировало национальную экономику, но и оказало цивилизационное воздействие на весь мировой порядок, ознаменовав сдвиг экономического центра тяжести в Азию [15].

Этапы эволюции «экономического чуда»

Проведённый исторический обзор показывает, что каждый успешный рывок не был случайностью, а представлял собой успешную адаптацию национальной экономики к доминирующим условиям конкретной фазы развития глобального капитализма – его технологической парадигме, геополити-

тической конфигурации и характеру международного разделения труда. Это даёт основания для перехода от описательной истории к аналитической типологии. Предлагаемая классификация, обобщённая в таблице 1, служит основой для последующего анализа трансформации не только количественных параметров, но и качественного воздействия этих волн на социальную структуру и миропорядок.

Предложенная классификация волн «экономических чудес» позволяет не только структурировать исторический опыт, но и выявить их глубинную связь с этапами эволюции глобального капитализма, где каждая волна выступала результатом адаптации национальных экономик к изменяющимся условиям накопления, технологическим парадигмам и геополитической конфигурации мировой системы.

Так, волна послевоенного восстановления соответствовала фазе реконструкции и консолидации фордистского капитализма под эгидой США в условиях биполярного противостояния. Экспортно-ориентированные «чудеса» совпали с периодом транснационализации производства и формирования глобальных цепочек добавленной стоимости в рамках неолиберального поворота. А феномен «чудес глобализации» стал следствием исторического пика финансовой глобализации и идеологического доминирования «Вашингтонского консенсуса» после краха биполярности, что подтверждается тезисом Д. Харви о том, что «пространственно-временная фиксация кризисов перенакопления капитала зачастую принимала форму стремительного развития новых географических зон» [16].

Таблица 1. Сравнительный анализ волн «экономических чудес» в XX-XXI вв. [составлено авторами]

Table 1. Comparative Analysis of "Economic Miracles" Waves in the 20th-21st Centuries [compiled by the authors]

Параметр / Критерий	Волна 1	Волна 2	Волна 3	Волна 4
Ключевой драйвер роста	Восстановление разрушенной базы + трансфер технологий	Экспорт промышленных товаров + государственное планирование	Прямые иностранные инвестиции + интеграция в глобальные цепочки	Управление потоками (данных, логистики) + гиперспециализация в нише
Типичные темпы роста ВВП, %	8-10 %	8-10 %	7-12 %	5-8 %
Политическая модель	Демократия / авторитаризм восстановления	Жёсткий авторитаризм развития	Технократия «Вашингтонского консенсуса»	Адаптивный авторитаризм / «государство-платформа»
Роль государства	Инвестор в инфраструктуру, регулятор	Стратег, владелец / покровитель национальных чемпионов	Регулятор, создатель условий для ПИИ	Оператор платформы, бренд-менеджер страны
Конкурентное преимущество	Технологии, качество рабочей силы	Дисциплина, низкая стоимость труда	Масштаб, неограниченный резерв рабочей силы	Скорость, гибкость, надёжность, уникальная компетенция
Ключевой глобальный контекст	Биполярный мир, план Маршалла	Холодная война, доступ к рынкам Запада	«Конец истории», единые правила глобализации	Многополярность, санкции, регионализация, деглобализация
Примеры стран	ФРГ, Япония, Италия	Южная Корея, Тайвань, Сингапур	Китай, Таиланд, Малайзия	Вьетнам, Бангладеш, Руанда, Польша

В этом контексте современная, четвёртая волна представляет собой ответ на системный кризис модели глобализации, основанной на гипермобильности капитала и всеобщей конвергенции, и знаменует переход к более фрагментированной, регионализованной и политизированной архитектуре мирового хозяйства, где конкурентные преимущества формируются

не в рамках единого рынка, а на стыках конкурирующих технологических и торговых блоков.

Именно в этих новых условиях за последнее десятилетие (2014-2024 гг.) сформировалось несколько ярких кейсов, претендующих на статус «современного экономического чуда» и демонстрирующих различные стратегии адаптации, которые, несмотря на

общую принадлежность к четвёртой волне, могут быть разделены на две группы: устойчивые структурные прорывы и «чуда одной политики».

К первой группе относится Вьетнам, осуществивший «чудо цепочки поставок»: пройдя путь от бедной аграрной страны до глобального центра лёгкой промышленности и электроники. Это обеспечило среднегодовой рост ВВП на уровне 6-7 % даже в период пандемии, увеличив экспорт с примерно 150 млрд долл. в 2014 году до более 350 млрд долл. в 2023 году (мировой лидер по экспорту смартфонов). Это результат дозированной, но прагматичной политики (зоны свободной торговли, низкие налоги, упрощение регуляторики) при жёстком политическом контроле, а также использования демографического дивиденда и выгод от торговой войны США и Китая, что позволяет охарактеризовать данный случай как «чудо управляемой глобализации» [17].

Другой пример – Польша, демонстрирующая «чудо конвергенции внутри ЕС». Превратившись из страны-реципиента в экономически и политически ключевого игрока ЕС, Польша почти полностью догнала Западную Европу по ВВП на душу по паритету покупательной способности, подняв этот показатель с 55 % до около 80 % от среднего по ЕС за период 2014-2024 гг. И это при рекордно низкой безработице (около 3 %) и непрерывном росте без рецессии на протяжении более 30 лет, что объясняется удачным сочетанием евроинтеграции (привлечение структурных фондов ЕС более 200 млрд евро) и умного протекционизма (программа «Польский продукт», социальная поддержка семей «500+»), что можно определить как «чудо системных инвестиций» [18].

Третьим кейсом выступает Бангладеш, достигший статуса «чуда текстиля и социальных инноваций». Преодолев репутацию «международной парии», он демонстрирует устойчивый рост ВВП около 6-7 %, являясь вторым в мире экспортёром готовой одежды (объём экспорта приблизился к 50 млрд долл.) при резком снижении детской смертности, росте грамотности, особенно среди женщин, и успехах в планировании семьи. Это стало возможным благодаря гиперспециализации на одном секторе в сочетании с эффективным использованием жен-

ского труда и деятельностью мощных неправительственных организаций, работающих параллельно с государством, формируя модель «чуда фокуса и низких издержек» [19].

Ко второй группе – «чудо одной политики» – принадлежит Руанда, представляющая собой «чудо эффективного авторитаризма». Страна за последнее десятилетие превратилась в региональный технологический и деловой хаб, обеспечивая рост ВВП в среднем на 7-8 % в год. И это при рекордных показателях лёгкости ведения бизнеса, почти нулевой уличной коррупции и масштабной цифровизации (системы мобильных платежей, дроны для доставки медикаментов), что является результатом железной дисциплины и руководства авторитарного лидера П. Кагаме, проводящего политику «нулевой терпимости» к коррупции и делающего ставку на образование и ИТ [20].

Следующим примером является Доминиканская Республика, ставшая самой быстрорастущей экономикой Латинской Америки (5-7 % в год), обеспеченная бумом туризма (более 10 млн в год) и диверсификацией в строительстве, телекоммуникации и обрабатывающую промышленность [21], привлечением инвестиций в туризм, политической стабильностью (редкой для региона) и выгодой от близости к США, формируя модель «чуда стабильности и удачного позиционирования».

Наконец, к этой же группе может быть отнесён Узбекистан (после 2016 года), переживающий «постсоветское пробуждение». В стране начались самые масштабные на постсоветском пространстве рыночные реформы, включая либерализацию валютного рынка, массовую приватизацию и открытие для ПИИ. Это позволило обеспечить устойчивый рост ВВП на уровне 5-6 % и вызвало взрывной рост туризма [22], став примером «чуда открытия изоляционистской экономики» в результате шоковой либерализации президента Ш. Мирзиёева.

Трансформация качественных последствий волн

Предложенная классификация волн позволяет выдвинуть и проанализировать ключевую гипотезу об изменяющемся характере последствий «экономических чудес». С каждой последующей (после третьей) волной краткосрочный экономический эффект, измеряемый темпами роста ВВП

(«высота» бума), демонстрирует тенденцию к снижению, в то время как долгосрочные социальные, политические и геополитические последствия («глубина» и «ширина» трансформации) приобретают всё более масштабный и системный характер, что можно сравнить с переходом от эффекта мощного, но локального взрыва к тотальному, меняющему правила работы всей системы изменению.

Так, первая, послевоенная волна характеризовалась феноменальной «высотой» – темпы роста ВВП в 10 % в год были не редкостью, а восстановление из руин производило шокирующий визуальный эффект. Однако её воздействие, будучи глубоким, оставалось локальным: социальные последствия сводились к созданию массового среднего класса и «общества потребления» в рамках нескольких национальных государств, политические – к закреплению модели социальной рыночной экономики и либеральной демократии как нормы для Запада, а геополитические – к воссозданию и усилению западного блока, что в целом представляло собой «внутриклубное» чудо, восстановившее прежний порядок, но не создавшее ничего принципиально нового.

Вторая волна, представленная «азиатскими тиграми», уже демонстрирует определённое снижение «высоты» (рост ВВП на уровне 8-9 % в год), но принципиальное расширение «ширины» воздействия: социально она доказала возможность не-западного пути к богатству и современности, сломав колониальные стереотипы, политически – легитимировала авторитарную модернизацию как рабочую модель, оказав влияние на элиты глобального Юга. А в геополитическом и экономическом плане инициировала первую серьёзную деиндустриализацию Запада, заложив основы глобальных производственных цепочек, тем самым начав менять саму архитектуру мирового капитализма.

Третья волна, олицетворяемая подъёмом Китая, при феноменальной «высоте» роста в эпицентре (двузначные цифры) совершает уже цивилизационный сдвиг. Социально это выразилось в мощнейшей в истории урбанизации и создании крупнейшего среднего класса вне Запада. Политически – в легитимации авторитарного капитализма под руководством КПК

как глобальной альтернативы либеральной демократии. Геополитически – в смещении центра тяжести мировой экономики в Азию и возвращении Китая в статус сверхдержавы, деформировавшей мировую торговлю, логистику и стандарты, что в совокупности означает не просто встраивание в систему, а её активную перестройку под себя.

Четвёртая, современная волна, демонстрирующая умеренную, «здоровую» «высоту» (рост ВВП без двузначных цифр), оказывает точечное, но критическое воздействие на ключевые узлы системы. Её социальные последствия отличаются ускорением внутреннего расслоения, создавая не инклюзивный средний класс, а островки благополучия в море неравенства. Политические – ведут к нормализации цифрового авторитаризма и суверенного популизма, подрывая либеральный консенсус изнутри. Структурные – выражаются в фрагментации глобальных систем, укорочении и регионализации цепочек, что позволяет определить эту волну как волну «управляемого распада» старой глобализации, где главным последствием становится не рост общего богатства, а переформатирование связей и правил.

Таким образом, подтверждается закономерность возрастающей «ширины/глубины» воздействия: определённое снижение темпов роста объясняется усложнением и насыщением мировой экономики. Противоречивость внутри-социальных изменений отражает переход от создания инклюзивного общества всеобщего благоденствия к формированию сегрегированных моделей роста. Резкий рост геополитических последствий проявляется в эволюции от укрепления существующего блока через его экономическую дезинтеграцию и создание системного конкурента к дроблению самой логики блоков и формированию многополярной, нестабильной сети.

Следовательно, эволюция «экономических чудес» может быть описана как переход от «чуда-восстановления» (локализованный катаклизм) к «чуду-альтернативе» (глобальный вызов) и далее к «чуду-фрагменту» (распад системы), где созидательная сила для конкретной страны может уменьшаться, но дестабилизирующая, переформатирующая сила для глобальной системы в целом – неуклонно возрастает.

тает. Это позволяет сделать вывод о принципиальном изменении природы феномена: современные «чудеса» выступают уже не столько двигателями роста мирового ВВП, сколько инструментами его перераспределения и изменения принципов раздела, производя в качестве главного продукта не столько богатство, сколько власть и новые формы суверенитета в условиях нарождающегося беспорядочного мира. Это трансформирует их из явления чисто экономической статистики в фактор геополитической динамики, выраженный в цифрах ВВП.

Контуры пятой волны: от экономического роста к метасистемному суверенитету

Продолжая выявленную логику эволюции, можно спроецировать тренды в будущее и сформулировать гипотезу о становлении пятой волны «экономического чуда», которая, следуя установленной закономерности, будет характеризоваться дальнейшим снижением количественных показателей роста при экспоненциальном возрастании качественного, реформирующего воздействия на глобальный порядок.

Если в XXI веке рост ВВП на уровне 5 % уже воспринимается как аналог «чудесных» двузначных темпов прошлого века, то в перспективе устойчивые 2-3 % для отдельных стран могут стать признаком феноменального успеха, свидетельствуя не об интенсивном расширении производства, а о стратегическом захвате новых мета-ресурсов и радикальной пересборке принципов экономической и политической организации. Эта волна, по сути, станет волной «системных адаптеров», где традиционные индикаторы утратят смысл, а конкурентное преимущество будет определяться способностью страны трансформироваться в гибкую, технологически управляемую платформу.

В рамках данной парадигмы можно выделить несколько потенциальных форматов «чуда», каждый из которых предполагает гиперспециализацию на управлении фундаментальными основами существования в эпоху климатических и технологических границ.

Первый формат – «чудо климатического суверенитета», где страна совершает рывок не за счёт экспорта сырья или товаров, а за счёт монополизации новых «углеродных валют» и экосистемных услуг. Так, государства с об-

ширными территориями и доступом к дешёвой возобновляемой энергии (Чили, Саудовская Аравия, Австралия) могут стать лидерами в технологии прямого захвата воздуха (DAC), продавая сертифицированные тонны «изъятых углерода» как основной экспортный товар, в то время как страны с богатыми экосистемами (Коста-Рика, Бутан, Габон) могут монетизировать гиперэффективное восстановление природы через продажу квот на биоразнообразие, что в корне подорвёт финансовую систему, основанную на углеводородах, и спровоцирует геополитическую борьбу за стандарты новой экологической стоимости.

Второй формат – «чудо пост-демографического общества» – предполагает достижение экономического роста при сокращающемся и стареющем населении за счёт полной автоматизации и искусственного интеллекта. Это будет означать окончательный разрыв между благосостоянием нации и её демографическим потенциалом. Страны-первопроходцы (Япония, Южная Корея, Эстония) могут трансформироваться в «фабрики-призраки» с безлюдными производствами и логистикой, экспортируя не материальные товары, а пакеты программного обеспечения, алгоритмы управления и услуги роботизированных «подрядчиков», что, с одной стороны, принесёт сверхдоходы технологической элите, а с другой – усугубит глобальный социальный кризис, потребует формирования кибернетической технократии как новой политической модели.

Третий, «чудо био-суверенитета», будет заключаться в установлении контроля над генетическим и агробиологическим кодом. Лидерство в синтетической биологии, геном редактировании и создании замкнутых агропромышленных комплексов (вертикальные фермы, культивируемое мясо) позволит таким странам, как Сингапур, Израиль или Нидерланды, экспортировать не сельхозпродукцию, а лицензии, патенты и стандарты, полностью переформатировав глобальный продовольственный рынок и сделав продовольственную безопасность вопросом доступа к биотехнологиям, что вызовет структурную зависимость импортёров и потенциально приведёт к волне «неоголода» в отстающих регионах.

Разрушительная сила пятой волны

окажется максимальной. Если предыдущие волны трансформировали индустриальную базу и географию производства, то новая волна затронет самые основы – изменит природу ценности, сместив её от материальных товаров к абстрактным правам (на углерод, геном, алгоритмы); трансформирует субъектность, где главными акторами станут не традиционные национальные государства, а техно-экологические платформы с привязанным к ним человеческим капиталом; и переопределит источник легитимности власти, который будет основываться уже не на демократических процедурах или идеологии, а на способности гарантировать физическое выживание (климатическую стабильность, продовольственную безопасность) и обеспечивать технологическое превосходство в условиях жёсткой конкуренции за ограниченные ресурсы.

В этой системе координат «экономическим чудом» пятой волны с наибольшей вероятностью станут не крупные державы, а малые, гибкие, технологически управляемые системы – такие как Сингапур, Израиль, Эстония, ОАЭ, Катар, Чили, Уругвай или Руанда, а также потенциально отдельные высокоразвитые регионы (Калифорния, Бавария, Шанхай), способные действовать как суверенные технокластеры.

Таким образом, будущие «экономические чудеса» окончательно утратят связь с парадигмой догоняющего роста и перейдут в плоскость стратегического опережения, где ключевым показателем успеха станет не процент прироста ВВП, а процент контроля над новыми мета-ресурсами. Их главным продуктом будет не благосостояние в классическом понимании, а формы суверенитета и власти в радикально перестраиваемом мире.

Выводы

Проведённое исследование позволяет переосмыслить феномен «экономического чуда» не как набор исключительных исторических эпизодов, а как закономерный, но эволюционирующий механизм интеграции национальных экономик в изменяющуюся структуру глобального капитализма.

Выдвинутая и подтверждённая в работе гипотеза о законе возрастающей «ширины/глубины» воздействия последовательных волн «чудес» раскрывает ключевую динамику современного развития: краткосрочные

темпы роста ВВП теряют свою абсолютную значимость, уступая место качественным изменениям в социальной структуре, политических моделях и геополитической архитектуре. Этот сдвиг отражает переход от парадигмы догоняющей модернизации, где успех измерялся способностью повторить пройденный путь лидеров, к парадигме опережающей адаптации, а конкурентное преимущество создаётся за счёт занятия уникальных узлов в реконфигурирующихся глобальных сетях.

Предлагаемая четырёхволновая классификация служит не только аналитическим инструментом для осмысления прошлого, но и картой навигации для будущего. Она позволяет констатировать, что эпоха «больших» экономических чудес XX века, основанных на массовой индустриализации, дешёвом труде и технологическом трансфере, завершилась. На смену ей приходит эпоха «стратегических прорывов», формула которых выведена в исследовании: (гиперспециализация в новом технологическом укладе × цифровое государство-платформа) + позиция ключевого узла в глобальных сетях.

Прогнозируемая пятая волна, основанная на монополизации климатического, биотехнологического или алгоритмического суверенитета, подтверждает этот тренд, обозначая переход к новой метасистеме, где ценность и власть будут определяться не объёмом произведённых товаров, а контролем над абстрактными правами и ресурсами, обеспечивающими выживание и развитие в эпоху глобальных экологических вызовов. Это означает окончательный отход от Вестфальской модели нации-государства как основной единицы развития и возникновение мира техно-экологических платформ – гибких, суверенных образований, чья экономическая динамика становится функцией от их способности к метасистемной адаптации и пересборке правил глобальной игры.

Теоретический вклад работы заключается в синтезе эволюционного, институционального и геополитического подходов в единую модель, объясняющую логику смены парадигм «экономического чуда». Практическая значимость исследования состоит в том, что оно предлагает странам, стремящимся к рывку, отказаться от устаревшей стратегии «догоняющего развития» и сфокусироваться на построении

государства-платформы, способного к гиперспециализации, цифровой трансформации и сетевой дипломатии в условиях нарождающейся многополярной, но фрагментированной мировой системы.

«Экономическое чудо» XXI века – это уже не взрывной рост статистических показателей, а безжалостно прагматичное и точечное завоевание суверенитета в новой, более жёсткой и сложной реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Росту У.У. Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест. Москва: Прогресс, 1961.
2. Головина А.Н., Левченко Р.Ю. Феномен «экономического чуда» национальных экономик: проблемы формирования и управления // Инновации и инвестиции. 2019. № 8. С. 5-9.
3. Мартишин Е.М. Эволюционно-институциональные основы «экономического чуда» // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 5. С. 81-83.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
5. Гершенкрон А.Г. Экономическая отсталость в исторической перспективе. Москва: Издательский дом «Дело», 2015. 536 с.
6. Матросов С.Н., Петров В.Р. Экономическая безопасность государства как итог реформ Людвига Эрхарда // Вестник РУК. 2018. № 3. С. 130-133.
7. Агабеков С.И., Левина Е.А. Япония – чудо экономического роста и чудо стагнации // ЭКО. 2016. № 11. С. 141-158. DOI:10.30680/ЕСО0131-7652-2016-11-141-158.
8. Абдурахманова З.Т. Явление «экономического чуда» в мировом хозяйстве и его география. Дисс. канд. геогр. наук. 2009. 256 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/yavlenie-ekonomicheskogo-chuda-v-mirovom-khozyaistve-i-ego-geografiya>.
9. Бобров А.С., Бредихин А.В. Эффективность авторитарного метода в государственном управлении на примере «корейского экономического чуда» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 5-15. DOI:10.48647/ICCA.2025.26.12.001.
10. Arrighi G. Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century. London: Verso, 2007. 418 p.
11. Хайбуллин Д.Д., Рафиков Р.И. Экономическое чудо Южной Кореи: причины и предпосылки // Скиф. 2023. № 5(81). С. 68-71.
12. Устюжанин В.Л. Феномен «экономического чуда»: осмысление исторического опыта // Экономика и математические методы. 2025. Т. 61, № 2. С. 19-30. DOI 10.31857/S0424738825020023.
13. Гельбрас В.Г. 30 лет реформ открытости КНР // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 109-117.
14. Коуз Р., Нин Ван. Как Китай стал капиталистическим. Москва: Новое издательство, 2016. 488 с.
15. Боркова А. Е., Кривенко А. В., Сидоров А. А. Мировая фабрика. Экономическое чудо Китая и его участие в мировой экономике // Московский экономический журнал. 2019. № 8.
16. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. ИД ВШЭ. Москва, 2021. 424 с.
17. Linh T. World Bank: Vietnam's economic growth slow but steady. Vietnam Today. 2023. URL: <https://en.vneconomy.vn/world-bank-vietnams-economic-growth-slow-but-steady.htm>.
18. Country Report Poland 2023: European Commission. 2023 European Semester. Brussels: European Union, 2023. 98. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/publications/2023-country-report-poland_en.
19. Bangladesh Development Update, April 2024: Growth Recovery amid Uncertainty. World Bank. Dhaka: World Bank Group, 2024. 68 p. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/f6dd176b982714b6e3b04d7ac672a0ab-0310012024/original/Bangladesh-Development-Update-April-2024-w-cover.pdf>.
20. Приходько Д.В., Шеров-Игнатъев В.Г. Цифровая экономика в Африке: состояние и проблемы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. № 1. С. 97-114. DOI: 10.21638/spbu05.2024.101.
21. Dominican Republic: 2023 International Monetary Fund. Article IV Consultation. Washington, D.C.: IMF, 2023. 78 p.
22. Transition Report 2023-24: Uzbekistan. EBRD. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2024. 45 p. URL: <https://2024.tr-ebrd.com/country/uzbekistan/index.html>.

Информация об авторах

Ушаков Денис Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений

Подольская Татьяна Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международных экономических отношений

REFERENCES

1. Rostow, W.W. (1961). The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
2. Golovina, A.N., Levchenko, R.Ju. (2019). The Phenomenon of "Economic Miracle" of National Economies: Problems of Formation and Management. Innovations and Investments. 8;5-9. (In Russ.)
3. Martishin, E.M. (2014). Evolutionary and Institutional Foundations of the "Economic Miracle". Proceedings of Petrozavodsk State University. 5;81-83. (In Russ.)
4. North, D. (1997). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow, Foundation of the economic book «Beginnings». 180. (In Russ.)
5. Gerschenkron, A.G. (2015). Economic Backwardness in Historical Perspective. Moscow, Delo Publ. 536. (In Russ.)
6. Matrosov, S.N., Petrov, V.R. (2018). Economic Security of the State as a Result of Ludwig Erhard's Reforms. Bulletin of RUK. 3;130-133. (In Russ.)
7. Agabekov, S.I., Levina, E.A. (2016). Japan – The Miracle of Economic Growth and the Miracle of Stagnation. ECO. 11;141-158. DOI:10.30680/ECO0131-7652-2016-11-141-158 (In Russ.)
8. Abdрахманова, Z.T. (2009). The Phenomenon of «Economic Miracle» in the World Economy and Its Geography. Cand. Sci. (Geogr.) Diss. 256. URL: <https://www.dissercat.com/content/yavlenie-ekonomicheskogo-chuda-v-mirovom-khozyaistve-i-ego-geografiya> (In Russ.)
9. Bobrov, A.S., Bredihin, A.V. (2025). The Effectiveness of the Authoritarian Method in Public Administration on the Example of the «Korean Economic Miracle». Contemporary Asia: Politics, Economy, Society. 2;5-15. DOI:10.48647/ICCA.2025.26.12.001 (In Russ.)
10. Arrighi, G. (2007). Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century. London: Verso. 418.
11. Hajbullin, D.D., Rafikov, R.I. (2023). The Economic Miracle of South Korea: Causes and Prerequisites. Scythian. 5(81);68-71. (In Russ.)
12. Ustjuzhanin, V.L. (2025). The Phenomenon of «Economic Miracle»: Comprehending Historical Experience. Economics and Mathematical Methods. 61(2);19-30. DOI: 10.31857/S0424738825020023 (In Russ.)
13. Gel'bras, V.G. (2009). 30 Years of Reforms and Openness of the PRC. Social Sciences and Contemporary World. 3;109-117. (In Russ.)
14. Coase, R., Wang, N. (2016). How China Became Capitalist. Moscow, New Publishing House. 488. (In Russ.)
15. Borkova, A.E., Krivenko, A.V., Sidorov, A.A. (2019). The World Factory. China's Economic Miracle and Its Participation in the World Economy. Moscow Economic Journal. 8. (In Russ.)
16. Harvey, D. (2021). The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Moscow, HSE Publ. 424. (In Russ.)
17. Linh, T. (2023). World Bank: Vietnam's economic growth slow but steady. Vietnam Today. URL: <https://en.vneconomy.vn/world-bank-vietnams-economic-growth-slow-but-steady.htm>.
18. Country Report Poland 2023: European Commission. 2023 European Semester. Brussels: European Union (2023). 98. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/publications/2023-country-report-poland_en.
19. Bangladesh Development Update, April 2024: Growth Recovery amid Uncertainty. World Bank. Dhaka: World Bank Group (2024). 68. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/f6dd176b982714b6e3b04d7ac672a0ab-0310012024/original/Bangladesh-Development-Update-April-2024-w-cover.pdf>.
20. Prihod'ko, D.V., Sherov-Ignat'ev, V.G. (2024). Digital Economy in Africa: State and Problems of Development. Vestnik of Saint Petersburg University. Economics. 1;97-114. DOI: 10.21638/spbu05.2024.101 (In Russ.)
21. Dominican Republic: 2023 International Monetary Fund (2023). Article IV Consultation. Washington, D.C.: IMF. 78.
22. Transition Report 2023-24: Uzbekistan. EBRD (2024). London: European Bank for Reconstruction and Development. 45. URL: <https://2024.tr-ebrd.com/country/uzbekistan/index.html>.

Information about the authors

Denis S. Ushakov – Doctor of Economics, Professor, Professor of the of Department of World Economy and International Relations

Tatiana V. Podolskaya – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of Department of International Economic Relations

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию (Reserved) 23.01.2026

Поступила после рецензирования 11.02.2026

Принята к публикации (Accepted) 10.03.2026